УДК: 7.067
ББК: 85.1
А43
DOI: 10.18688/aa177-7-64

А. В. Рыков

Александр Блок, немецкая «консервативная революция» и русский авангард

Вопрос о преемственности между русским символизмом и «последующими» авангардистскими течениями в России никогда не ставился в связи с проблематикой «консервативной революции» в Германии. Не рассматривался этот вопрос и в контексте теорий расизма, «пронизывавших» (как показывают последние исследования) творчество русских символистов и оказавших заметное воздействие на представителей наиболее радикальных направлений авангарда. Симптоматично, что немецкая «консервативная революция» оказалась в фокусе современных исследований проблемы конвергенции художественных и политических концепций и фантазмов. Дифференцируя определенные страты «культуры» и «политики», мы различаем механизмы опосредования, обеспечивающие взаимодействие между политической публицистикой и поэзией, изобразительным искусством и философией политики.

Расизм, национализм, милитаризм накануне 1914 г. обладали богатейшей «художественной» родословной, без учета которой невозможно формирование сколько-нибудь критической позиции по отношению к этим явлениям. Сам этот факт, несомненно, подрывает некоторые традиционные («классические») представления об искусстве как союзе истины, добра и красоты, уходящие, в конечном итоге, в область религиозных верований. Приходится признать, что экстремистские и даже преступные теории легко интегрируются («вчитываются») в интерпретационную ткань произведений искусства различного художественного ранга, а сами авторы шедевров мировой культуры вполне могут являться носителями тех или иных идеологических «инфекций». Это не отменяет «нейтральности» и принципиальной открытости любого искусства. «Считывая» некий «тоталитарный» код, мы раскрываем лишь определенный аспект бытия произведения, заставляющий, впрочем, полноценно функционировать все его «художественные» компоненты.

Необходимо признать возможность колоссального суггестивного воздействия политических символических систем, формы рецепции которых в области изобразительного искусства нередко приближаются к определенным типам религиозного опыта. Собственно, именно это смешение религиозного и политического, возникновение в XIX–XX вв. целого ряда светских / политических религий и спровоцировало, в конечном итоге, столь агрессивное вторжение политики в художественную сферу. Сакральный

эффект, «ауру» при этом продуцирует само «искусство» (вне зависимости от того, имеем ли мы дело с картиной или политическим манифестом).

Важнейший исторический урок «консервативной революции» в Германии — феномена одновременно общественно-политического, художественного и философского — заключался в той относительной легкости и в то же время интеллектуальной изощренности, с которой категория духовного в рамках данного стиля мышления приобретала враждебные гуманизму милитаристские и протофашистские коннотации. По сути, вся немецкая идеалистическая философия была «мобилизована» для критики гуманизма и пацифизма. Мифы «консервативной революции» формировались вокруг геополитической оппозиции «Германия / Запад», постепенно утратившей свою актуальность после 1945 г., когда жители ФРГ, а затем и объединенной Германии стали ощущать себя частью западного мира. Идеологи «консервативной революции» говорили об утилитаризме и меркантилизме западной «цивилизации» и противопоставляли ее немецкой «культуре», основанной на принципах «духовности» и морального долга.

Видными представителями «консервативной революции» были Эрнст Юнгер, Освальд Шпенглер, Артур Мёллер ван ден Брук, Карл Шмитт, Вернер Зомбарт, Томас Манн (в период Первой мировой войны), Пауль Наторп, Стефан Георге, Готфрид Бенн и многие другие поэты, философы, публицисты, выражавшие «идеи 1914 года». В своих теоретических сочинениях к этому течению примыкает известный художник, один из лидеров «Синего всадника» Франц Марк. Одним из поздних проявлений этого направления можно считать манифест-памфлет австрийского искусствоведа Ханса Зедльмайра «Утрата середины». В целом поток публицистической литературы, связанный с «консервативной революцией», был настолько широк, что именно на него нередко возлагается ответственность за развязывание националистической истерии накануне Первой мировой войны и в межвоенные десятилетия. Аналогичные явления, развивавшиеся синхронно с германскими, существовали и в других европейских странах. И все же немецкий вариант «консервативной революции» обладал особым «почерком» и гипнотическим воздействием.

В 1919 г. русский поэт Александр Блок пишет статью «Крушение гуманизма», навеянную концепциями немецкой «консервативной революции». Блок опирается на центральную дихотомию этого направления политической мысли — «культура / цивилизация», противопоставляя здоровую и цельную «культуру» (всегда содержащую элементы варварства) утонченной и бесплодной «цивилизации». Большие надежды Блок возлагает на пролетариат и крестьянство как «не затронутые цивилизацией» общественные слои. «Цивилизовать массу не только невозможно, но и не нужно, — пишет поэт. — Если же мы будем говорить о приобщении человечества к культуре, то неизвестно еще, кто кого будет приобщать с большим правом: цивилизованные люди — варваров, или наоборот: так как цивилизованные люди изнемогли и потеряли культурную цельность; в такие времена бессознательными хранителями культуры оказываются более свежие варварские массы» [3, с. 311–312].

Аналогичную апологию «культуры» (естественной «культуры» как второй природы) в противовес искусственной «цивилизации» мы находим в изданном в Петрограде в 1918 г. и хорошо известном Блоку трактате Евгения Полетаева и Николая Пунина

«Против цивилизации». «Культура» в этом сочинении интерпретируется в духе социал-дарвинизма; подлинное творчество для авторов — всегда борьба, наивысшее напряжение сил, поэтому оно отождествляется с суровостью природы. «Культура» (в отличие от цивилизации) рождается (в полном соответствии с учением Ницше) из чувства силы, «мучительной жизнерадостности», органической цельности инстинкта и разума. Она есть возвращение к природе, новый «синтез человека и космоса». Разумеется, для пангерманистов Пунина и Полетаева, ориентировавшихся на идеи немецкой «консервативной революции», «культура» — это прежде всего германская культура, вступающая в схватку с «цивилизацией» Запада, прежде всего, с Великобританией: «В начале XX-го века эти два мира: коллективистическое, активистическое, героическое общество, предчувствующее грядущую культуру, и мир старой индивидуалистической, пассеистической, эстетической цивилизации — столкнулись в открытой, беспощадной борьбе. <…> Или народы примут германские лозунги, как наиболее близкие к формуле будущей культуры, или погибнет великий народ, который пошел навстречу судьбе с такой глубокой верой в будущее человечество, с такой „священной ненавистью семидесяти миллионов людей“ к главному, смертельному врагу культуры: wir lieben vereins, wir hassen vereins, wir haben alle nur einen Feind: England» [9, с. 125].

Подобная дихотомия — героическая культура и гедонистическая, сентиментальная, гуманистическая цивилизация — один из основных риторических штампов немецкой «консервативной революции». Франц Марк писал: «Категорию людей, представленную или представляемую англичанином, война должна научить многому: мысли о счастье и пользе разрослись настолько, что искусству оставалось лишь почить на том „счастливом“ островке. Мы, немцы, никогда чрезмерно не претендовали на счастье, в этом наша сила, и потому однажды появится немецкое искусство — не утешитель, как в эти горестные дни, но как великое преклонение перед духом времени <…>. Становлению нового европеизма угрожает лишь один и весьма серьезный противник, гениально распознанный и разоблаченный Ницше, — англичанин. Немец — его антипод, он единственный, кто призван уничтожить англичанина в европейце» [7, с. 303].

Александр Блок также признает приоритет Германии в деле борьбы с «гуманизмом» и «цивилизацией»: «Я различаю еще в той борьбе, которой наполнен XIX век, как будто преобладание работы рас германской и отчасти славянской — и, наоборот, — молчание рас романской и англосаксонской. Это естественно, так как у англичан и французов музыкальная память слабее, и потому в великой битве против гуманизма, против безмузыкальной цивилизации они более экономили свою кровь, чем германцы» [3, с. 326–327]. «Культура», «народ» и «революция» у Блока являются проводниками природного начала: «Один из основных мотивов всякой революции — мотив о возвращении к природе; этот мотив всегда перетолковывается ложно; его силу пытается использовать цивилизация; она ищет, как бы пустить его воду на свое колесо; но мотив этот — ночной и бредовой мотив; для всякой цивилизации он — мотив похоронный…» [3, с. 315]. Здесь поэт близко подходит к тому, что в западной научной традиции получило название теории регенерации, определяющей некоторые виды квазирелигиозного опыта эпохи авангарда — чувство радикального обновления, перерождения, преображения социальной действительности, которое переживается как возврат к некоему мифическому

первоистоку, возвращение в прошлое, слияние с традицией, но на новом этапе истории. Емкий термин «консервативная революция» отражает это двойственное отношение к традиции.

Для Пауля Наторпа, известного философа, одного из главных теоретиков «консервативной революции», «культура» — прежде всего дух единства, национальной и социальной интеграции, преодоление индивидуализма и утилитаризма современной «цивилизации» на основе идеалистических, национальных и социалистических принципов. Подобный же «прото-тоталитарный» призыв к «музыкальной» целостности мы находим в «Крушении гуманизма»: «Роковая ошибка тех, кто оказался наследником гуманистической культуры, роковое противоречие, в которое они вступили, произошло от изнеможения; дух целостности, дух музыки покинул их, и они слепо поверили историческому времени; они не почувствовали того, что мир уже встал под знак нового движения, которое обладает признаками совершенно иными; они продолжали верить, что массы вольются в индивидуализирующееся движение цивилизации, не помня того, что эти массы были носительницами другого духа» [3, с. 315].

Поэт развивает типичные для его публицистики идеи о ведущейся в современном обществе (в том числе и в наиболее образованных слоях) непримиримой борьбе между представителями «культуры» и «цивилизации». Блока давно преследовала идея скрытой «гражданской войны» между этими подобиями рас или классов. Символизм цикла «На поле Куликовом» связан с этой концепцией противостояния Руси и «поганой орды», народа и интеллигенции, деревни и города: «…народ и интеллигенция; полтораста миллионов с одной стороны и несколько сот тысяч — с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном. Среди сотен тысяч происходит торопливое брожение, непрестанная смена направлений, настроений, боевых знамен. Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. <…> Среди десятка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина. Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина…» («Народ и интеллигенция») [1, с. 391–392].

Это воображаемое разделение было характерно и для движения «Скифы» (1917–1918), в которое входил Блок. Идеолог этого движения Р. Иванов-Разумник писал, что «каждая страна Запада разделилась надвое, разделилась и Россия» [1, с. 572]. Деление на «скифов» и «не-скифов», «максималистов» и «мещан» для Р. Иванова-Разумника не носило исключительно национального, расового или классового характера, хотя тенденция к подобному прочтению проблемы у него присутствовала: «Два врага стоят лицом к лицу: русский, „скиф“ и европеец, „мещанин“, новая Россия и старая Европа. И если есть у России миссия, то вот она: взорвать изнутри старый мир Европы своим „скифством“, своим духовным и социальным „максимализмом“…» [1, с. 576].

«Скифы» — это «арийцы», новая / старая порода сверхлюдей, «артистов» в вагнеровском понимании, приход которых ознаменует конец эпохи гуманизма. В «Крушении гуманизма» Блок рассуждает в терминах биологического (естественного) и социального отбора и евгеники. Устами поэта говорит биологический дискурс модернизма, получивший широкое распространение в искусстве во времена Одилона Редона и Павла Филонова: «Человек — животное; человек — растение, цветок; в нем сквозят черты

чрезвычайной жестокости, как будто не человеческой, а животной; черты первобытной нежности — тоже как будто не человеческой, а растительной. Все это — временные личины, маски, мелькание бесконечных личин. Это мелькание знаменует собою изменение породы; весь человек пришел в движение, он проснулся от векового сна цивилизации; дух, душа и тело захвачены вихревым движением; в вихре революций духовных, политических, социальных, имеющих космические соответствия, производится новый отбор, формируется новый человек: человек — животное гуманное, животное общественное, животное нравственное перестраивается в артиста, говоря языком Вагнера» [3, с. 326].

Теоретические работы Вагнера — общий источник творчества Блока и представителей «консервативной революции». Учение немецкого композитора о регенерации рельефно заявляет о себе в поэме «Возмездие». Оно содержит в себе констатацию моральной и физической дегенерации современного человека, жертвы «гуманизма»: «Но тот, кто двигал, управляя / Марионетками всех стран, — / Тот знал, что делал, насылая / Гуманистический туман: / Там, в сером и гнилом тумане, / Увяла плоть, и дух погас…» [2, с. 24]. «Демонизм» главных героев «Возмездия» — отца и сына — трактуется в терминах социал-дарвинизма. При этом «вырождение» современного человека, как и у Вагнера, оставляет надежду на регенерацию, возрождение в будущем: «Был человек — и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человечьей ручонкой за колесо, которым движется история человечества» (авторское Предисловие к поэме «Возмездие») [2, с. 50].

Блок создает особую «мускульную», маскулинную и «музыкальную» эстетику нового человека и России как «новой Америки» («угль превращается в алмаз»). Как и в работах теоретиков «консервативной революции», все наиболее значительное в творческом мире Блока нередко принимает обличье войны: «Люблю я дыханье прекрасной весны / И яркость цветов и дерев / <…> Люблю я гонцов неизбежной войны / О, как веселится мой взор!» («Роза и крест») [ ]. «Не может сердце жить покоем, / Недаром тучи собрались. / Доспех тяжел, как перед боем. / Теперь твой час настал. —Молись!» («На поле Куликовом») [ ]. Идеальной моделью экзистенциального опыта для поэта становится средневековый рыцарский поединок или рукопашная схватка. Заметим, что Певец Прекрасной Дамы был большим поклонником французской цирковой борьбы и описывает в Предисловии к «Возмездию» тело голландского борца, «истинного художника», «мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты» [2, с. 49]. Упадок, «вырождение» современного человечества поэт не в последнюю очередь связывает с отказом от традиционных форм войны и возникновению новых («дистанцированных») способов истребления противника: «И ангел сам священной брани, / Казалось, отлетел от нас: / Там — распри кровные решают / Дипломатическим умом, / Там — пушки новые мешают / Сойтись лицом к лицу с врагом…» [2, с. 24].

Идеализация войны была типична для «консервативной революции».

«Сентиментальное» дискриминировалось в пользу новой системы ценностей: «Бальзак, *le veterinaire de maux incurables* („ветеринар плохо поддающихся излечению“ фр.), в своих бесконечных произведениях воспевал глубоко больную Францию, муку сентиментальных душ. Как невыразимо страдало большое сердце злополучного певца от запахов разложения! Мы больше не вписываемся в то время. Война помогла нам. <…> В дальнейшем абстрактное вновь предстает перед мыслителем как естественное видение, как первичный интуитивный лик, а сентиментальность — как нервное заболевание, как редукция нашего духа» [7, с. 310]). Именно об этом писал Блок в «Возмездии»: «Путем катастроф и падений мои „Rougon-Macquar'ы“ постепенно освобождаются от русско-дворянского education sentimentale, „угль превращается в алмаз“ <…>» [2, с. 50]. «Прогрессивная» социобиологическая мутация героя-отца в «Возмездии» делает его подобным хищнику: «Вращает хищник мутный зрак…»; «То хищник напрягает зренье…»; «Смотри: так хищник силы копит» [2, с. 39, 40, 42]. Но «социал-дарвинизм» Блока вписывается все в ту же идеалистическую философию «консервативной революции».

Война представлялась некой альтернативой «буржуазной», расчетливой прозе капиталистической жизни. Она ассоциировалась с героизмом, рыцарственностью, моральным служением, религиозными и квазирелигиозными ценностями. «Война — наша мать, она зачала нас, новое поколение, в расплавленном чреве окопов, и мы гордимся этим происхождением. Поэтому наши ценности также должны быть героическими, ценности воителей, а не торговцев, которые пытаются измерить мир локтями» [8, с. 405]. «Торгаши и герои» — так называлась популярная книга Вернера Зомбарта, в которой англосаксонскому утилитаризму противопоставлялась немецкая «духовность», способность к самопожертвованию ради высших целей.

Но героизм в данной системе ценностей, и это следует подчеркнуть, рассматривался как одна из форм слияния, с одной стороны, с «народной», национальной, почти мистической стихией, и, с другой стороны, с природным началом. Теория регенерации, заимствованная Блоком у Вагнера, предполагала «прыжок в будущее» через возвращение к природе, и героизм, культ сильной личности, казался одним из примеров подобного «возвращения» [15]. Расистский компонент учения Вагнера также имел колоссальное воздействие на Блока и русский символизм; большое влияние на творчество поэта могли оказать работы известного пропагандиста идей Вагнера, крупнейшего теоретика расизма Хьюстона Стюарта Чемберлена. Последний говорил о героической, свободолюбивой и творческой сущности арийской расы, противопоставляя ее проповедникам догм и рабства, лишенным творческого воображения, трусливым евреям. Вероятно, «гуманизм» воспринимался Блоком как «еврейская» философия, инспирированная международным (в духе Протоколов сионских мудрецов) заговором [4; 5; 12; 13, S. 303; 14, с. 135].

Документально подтверждено, что Блок как минимум дважды внимательно читал «Против цивилизации» Полетаева и Пунина [6, с. 383]. Анализ общего риторического поля «Крушения гуманизма» и «Против цивилизации» позволяет говорить о сложных путях конвергенции символизма и футуризма [11]. Не следует забывать о том, что «Против цивилизации» является источником всего набора мифологем в работах крупнейшего представителя авангарда Николая Пунина [10]. При этом речь может идти

о достаточно длительном и разностороннем взаимодействии метафорических систем символизма и футуризма в плане пересечения расистских, националистических и милитаристских дискурсов. В этом контексте вопрос об отношении Александра Блока, известного германофила, к немецкой «консервативной революции» представляется особенно актуальным.

Литература

1. Александр Блок. Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции / Сост., вступ. ст., коммент. *М. Ф. Пьяных*. — М.: Высшая школа, 1990. — 687 с.
2. *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. — Т. 5. Стихотворения и поэмы (1917–1921). — М.: Наука, 1999. — 564 с.
3. *Блок А. А.* Соч.: в 2 т. — Т. 2. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. — 846 с.
4. *Блюмбаум А. Б.* К источникам «Возмездия»: Александр Блок и Павел Милюков // Работа и служба: Сб. памяти Рашита Янгирова / Сост. *Я. Левченко*. — СПб.: Свое изд-во, 2011. — С. 13–41.
5. *Блюмбаум А. Б.* Loci communes «еврейского вопроса» в творчестве Блока: из комментария к «Искусству и газете» // Die Welt der Slaven. — 2014. — Vol. LIX. — S. 242–267.
6. *Максимов Д. Е.* Поэзия и проза Александра Блока. — Л.: Советский писатель, 1981. — 552 с.
7. *Марк Ф.* 100 афоризмов: Второй лик // Искусствознание. — 2008. — № 4. — С. 287–313.
8. *Пленков О. Ю.* Триумф мифа над разумом: (немецкая история и катастрофа 1933 года). — СПб.: Владимир Даль, 2011. — 608 с.
9. *Полетаев Е., Пунин Н.* Против цивилизации. — Пг.: Гос. изд-во, 1918. — 138 с.
10. *Рыков А. В.* Между консервативной революцией и большевизмом: Тотальная эстетическая мобилизация Николая Пунина // Новое литературное обозрение. — 2016. — № 4 (140). — С. 240–258.
11. *Рыков А. В.* Политика модернизма. Николай Пунин и Александр Блок // Перекресток искусств Россия–Запад. — СПб., 2016. — С. 177–184. — (Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. № 25)
12. *Светликова И. Ю.* Кант-семит и Кант-ариец у Белого // Новое литературное обозрение. — 2008. — № 93. — С. 62–98.
13. *Светликова И. Ю.* «Месть Коперника»: Комментарий к поэме А. Блока «Возмездие» // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. —2015. — T. LX. — № 2. — S. 300–318.
14. *Светликова И. Ю.* Об идеологии «Обратной перспективы» Павла Флоренского // Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов / Под ред. *С. Н. Зенкина, Е. П. Шумиловой*. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — С. 123–139.
15. *Griffin R.* Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. — Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2007. — 470 p.

Название статьи. Александр Блок, немецкая «консервативная революция» и русский авангард.

Автор. Рыков Анатолий Владимирович — доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. anatoliy.rikov.78@mail.ru; a.v.rykov@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена политическим аспектам поэзии и публицистики Александра Блока. Основной акцент сделан на проблемах наследия немецкой «консервативной революции» и ее влияния на творчество Блока. Автор проводит параллели между одной из наиболее радикальных культурфилософских работ Блока «Крушение гуманизма» (1919) и протофашистским трактатом Евгения Полетаева и Николая Пунина «Против цивилизации» (1918). Особое внимание уделяется дискурсу войны в поэзии и публицистике Блока. В статье исследуются специфические пути взаимодействия символистской и футуристической эстетики в русском авангарде в контекстах расизма и национализма. Взгляды Блока на искусство и политику рассматриваются в связи с протофашистскими теориями регенерации (в частности, концепциями Рихарда Вагнера и Хьюстона Стюарта Чемберлена). Прослеживается роль биологических метафор в работах Блока, их функция в популистской, антиинтеллектуалистской эстетике поэта. Статья затрагивает расистские, сексистские и классистские коннотации творчества Блока в контексте общих вопросов интерпретации культуры авангарда. Автор приходит к выводу, что, являясь

одной из теорий романтического антикапитализма, «Крушение гуманизма» включает в себя элементы социал-дарвинизма и евгеники, близкие риторике немецкой «консервативной революции» и протофашистским дискурсам в европейской культуре того времени.

Ключевые слова: Александр Блок; Николай Пунин; Евгений Полетаев; консервативная революция; политика; расизм; протофашизм; модернизм; авангард.

Title. Alexander Blok, the German "Conservative Revolution" and the Russian Avant-Garde.

Author. Rykov, Anatolii Vladimirovich — full doctor in Philosophy, Ph. D. in Art History, professor. Saint Petersburg State University, Universitetskaia nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. anatoliy.rikov.78@mail.ru, a.v.rykov@spbu.ru

Abstract. The paper examines the political aspects of Alexander Blok's poetry and critical works. The main focus is on the heritage of the German "Conservative Revolution" and its influence on Blok's oeuvre. The author draws a comparison between one of the most radical Blok's papers — "The Decline of Humanism" (1919) and Nikolay Punin's and Evgeny Poletayev's protofascist tract "Against Civilization" (1918). Special attention is paid to the discourses of war and struggle in Blok's poetry and criticism. The article considers the special ways of convergence of Symbolist and Futurist aesthetics in the Russian avant-garde in the contexts of racism and nationalism. It explores Blok's views on art and politics as the Russian equivalent of the protofascist theories of regeneration (for instance, Richard Wagner's and Houston Stewart Chamberlain's conceptions). The paper traces the biological metaphors in Blok's poetry and publications, their role in the development of his populist, anti-intellectualistic aesthetics. It concerns the racist, sexist, and classist connotations of Blok's works in relation to the general issues of avant-garde art interpretation. The author draws the conclusion that "The Decline of Humanism", as one of the theories of romantic anti-capitalism, combines the elements of Social Darwinism and eugenics, close to the rhetoric of the German "Conservative Revolution" and proto-fascist discourses in European culture of that period.

Keywords: Alexander Blok; Nikolay Punin; Evgeny Poletayev; conservative revolution; politics; racism; proto-fascism; Modernism; avant-garde.

References

Antliff M. *Avant-Garde Fascism: The Mobilization of Myth, Art, and Culture in France, 1909–1939*. Durham; London, Duke University Press Publ., 2007. 376 p.

Blok A. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 20 t. T. 5. Stikhotvoreniia i poemy* (*1917–1921*) (*Complete Collection of Writings and Letters in 20 vols. Vol. 5. Poems* (*1917–1921*)). Moscow, Nauka Publ., 1999. 564 p. (in Russian).

Blok A. A. *Sochineniia v 2 t. T. 2.* (*Writings in 2 vols. Vol. 2*). Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudoshestvennoi literatury Publ., 1955. 846 p. (in Russian).

Blumbaum A. B. On the Sources of "Vozmezdiye": Alexander Blok and Pavel Milyukov. *Rabota i sluzhba: Sbornik pamyati Rashita Yangirova* (*Work and Service: In Memory of Rashit Iangirov*). Saint Petersburg, Svoye izdatelstvo Publ., 2011, pp. 13–41 (in Russian).

Blumbaum A. Loci Communes of the "Jewish Question" in Blok's Oeuvre: From the Commentary on "Art and Newspaper". *Die Welt der Slaven*, 2014, vol. 59, pp. 242–267 (in Russian).

Griffin R. *Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler*. Houndmills; New York, Palgrave Macmillan Publ., 2007. 470 p.

Herf J. *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1984. 252 p.

Hewitt A. *Fascist Modernism: Aesthetics, Politics, and the Avant-Garde*. Stanford, Stanford University Press Publ., 1993. 222 p.

Jameson F. *Fables of Aggression: Wyndham Lewis, the Modernist as Fascist*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press Publ., 1979. 190 p.

Maksimov D. E. *Poeziya i proza Alexandra Bloka* (*Poetry and Prose of Alexander Blok*). Leningrad, Sovietskii pisatel Publ., 1981. 552 p. (in Russian).

Marc F. 100 aphorisms. The Second Image. *Iskustvoznaniye* (*Art Studies*), 2008, no. 4, pp. 287–313 (in Russian).

Piianykh M. F. (ed). *Alexander Blok. Andrei Belyi. Dialog poetov o Rossii i Revolutsii* (*Alexander Blok. Andrei Belyi. Dialogue of Poets on Russia and Revolution*). Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1990. 687 p. (in Russian).

Plenkov O. Iu. *Triumf mifa nad razumom* (*nemetskaya istoriya i katastrofa 1933 goda*) (*Triumph of Myth over Reason* (*German History and the Catastrophe of 1933*)). Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2011. 608 p. (in Russian).

Poletaev E.; Punin N. *Protiv tsivilizatsii* (*Against Civilization*). Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1918. 138 p. (in Russian).

Rykov A. V. Between a Conservative Revolution and Bolshevism. Nikolai Punin's Total Aesthetic Mobilization. *Novoye literaturnoye obozreniye* (*The New Literary Observer*), 2016, no. 4 (140), pp. 240–258 (in Russian).

Rykov A. V. Politics of Modernism. Nikolay Punin and Alexander Blok. *Perekrestok iskusstv Rossiya Zapad. Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta № 25* (*Crossroads of the Arts. Russia and the West. Proceedings of the History Department of Saint Petersburg University, vol. 25*), 2016, pp. 177–184 (in Russian).

Sayre R.; Loewry M. Figures of Romantic Anti-Capitalism. *New German Critique*, 1984, vol. 32, pp. 42–92.

Sternhell Z. *The Birth of Fascist Ideology: From Cultural Rebellion to Political Revolution*. Princeton, Princeton University Press, 1994. 348 p.

Svetlikova I. Iu. Kant-Semite and Kant-Aryan in Belyi's Oeuvre. *Novoye Literaturnoye Obozreniye* (*The New Literary Observer*), 2008, no. 93, pp. 62–98 (in Russian).

Svetlikova I. Iu. "Revenge of Copernicus". Commentary on A. Blok's Poem "Vozmezdie". *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, 2015, vol. 60, no. 2, pp. 300–318 (in Russian).

Svetlikova I. Yu. On the Ideology of Pavel Florensky's "Reverse Perspective". *Russkaia intellektualnaia revolutsiia 1910–1930-kh godov* (*The Russian Intellectual Revolution of 1910–1930s*). Moscow, Novoye literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 123–139 (in Russian).